

матики) о попытке урегулировать конфликт в Ольстере в 1980-х годах.

Одной из самых “насыщенных” была секция “Культура и повседневность”. В ней прозвучали выступления о повседневной жизни англичан в середине XVI в. по донесениям венецианских послов (М.В. Третьякова, Арзамасский филиал НГУ); о символах королевской власти в книжной культуре периода Тюдоров (Д.В. Кирюхин, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия); о поэзии Дж. Уилмота, графа Рочестера (И.М. Эрлихсон, РГУ); о женской драматургии в Англии конца XVII в. (В.С. Трофимова, Санкт-Петербург); о формировании книжной “культуры путешествий” (В.В. Кирюшкина, Саратовский государственный технический университет); об образах средневекового фольклора в творчестве префаэлитов (Е.М. Кирюхина, Нижегородский государственный педагогический университет); об американце Б. Уэсте, ставшем придворным живописцем Георга III (Т.В. Алентьева, Курский госуниверситет). В двух докладах, Н.А. Ивановой (ЯГПУ) и Т.А. Косых (Уральский федеральный университет), затронуты разные аспекты творчества С. Джонсона. Е.А. Летуновский посвятил выступление анализу оценок английских музеев, данных русскими путешественниками в первой половине XIX в. Т.В. Тернопол (оба – ЯГПУ) выявила оценки английского менталитета в творчестве К. Исигуро. Выступления Т.М. Гавристовой и Е.В. Блиновой (ЯрГУ) были посвящены “лондонским африканцам”: первая показала значение творчества Й. Шонибаре; вторая – условия адаптации африканцев в Британии в новое время.

Секция “Проблемы образования” состоялась при активном участии Дж. Никола и М. Митчелла, чей доклад на пленарном заседании был обсужден с интересом. На секции выступили О.Ю. Солодянкина (Череповецкий госуниверситет) с сообщением о британской литературе в круге чтения детей российских дворян в XIX в.; Л.В. Архипова (Государственный академический университет гуманитарных наук) о законопроекте 1930 г. как попытке реформирования лейбористами образовательной системы; О.Ю. Стрелова (ДГГУ) об английском учебнике по истории России в 1917–1939 гг. и о дискуссии по поводу учебников истории; Н.Ш. Каркозашвили (ЯрГУ) о взглядах британских путешественников первой половины XIX в. на систему образования в США; И.Н. Бурлакова (Российский новый университет) о подготовке педагогов в Англии. Следует отметить, что Дж. Никол и М. Митчелл провели мастер-класс для студентов исторического факультета, позволивший последним почувствовать особенности британской дидактической системы в области истории.

На заключительном заседании выступили руководители секций, ознакомившие участников с содержанием наиболее интересных дискуссий. Во многих выступлениях отмечалось, что в современных непростых условиях, при явном “похолодании” в отношениях между двумя странами, ученые-историки, специалисты по британской проблематике призваны внести вклад в сохранение взаимопонимания и взаимного уважения.

А.Б. Соколов

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В РИГЕ

10–11 декабря 2015 г. в Доме Москвы в Риге по инициативе Балтийского центра исторических и социально-политических исследований при поддержке Департамента внешнеэкономических и международных связей Правительства Москвы и Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова прошла III международная научная конференция “Вторая мировая война и страны Балтии. 1939–1945”. В работе конференции принимали участие представители Латвии, Литвы, Эстонии, России, Беларуси, Израиля.

Работа конференции проходила в форме пленарных заседаний: “Латвия, Литва и Эстония в контексте международных отношений в предвоенный период (1939–1941)”, “Латвия, Литва

и Эстония в период нацистской оккупации (1941–1945): Генеральный комиссариат Остланд. Холокост на территории Латвии, Литвы и Эстонии. Немецкая пропаганда. Концлагеря. Нацистские коллаборационистские формирования и их деятельность на территории Прибалтики и соседних стран. Экономика, культура и церковь. Подпольное и партизанское движение. Освобождение Прибалтики от немецко-фашистских захватчиков в 1944–1945 гг.”, “Актуальные проблемы историографии Латвии, Литвы и Эстонии в 1939–1945 гг.”

Конференция открылась чествованием известного латышского историка Эрика Адольфовича Жагарса, который отметил 80-летний юбилей.

Рассматривая судьбы трех прибалтийских республик, участники конференции сделали особый акцент на их дипломатии, носившей в межвоенный период откровенно враждебный Советскому Союзу характер. Так, проф. В.Н. Барышников (Санкт-Петербургский госуниверситет) рассказал о финско-эстонском военном сотрудничестве в 1930–1939 гг., главной целью которого было “запереть” советский Балтийский флот при поддержке какой-либо европейской державы или блока держав. Для этого проводились активные двусторонние военные маневры, велись секретные переговоры начальников Генеральных штабов двух сторон, планировались и сухопутные операции финских сил. При этом в документах четко прослеживается инициатива финской стороны и ее надежды на поддержку вооруженных действий против СССР со стороны Запада (вначале Лондона и Парижа, а затем – Берлина). Однако с течением времени эстонская сторона разуверилась в возможностях финской помощи и 26 сентября 1939 г. подписала договор о взаимопомощи с СССР. Попытка закрыть выход советскому Балтийскому флоту в море не удалась.

А.Д. Малнач (Латвийский университет) рассмотрел зарождение антисемитизма и предпосылки Холокоста в Латвии. Еще в начале XX в. “презираемые немецкими баронами латыши находили отдушину в антисемитизме”. Таким образом, антисемитизм утвердился в латышском общественном сознании задолго до возникновения самой Латвии, а в 1930-е годы национализм поощрялся на государственном уровне.

Вопрос о межнациональных противоречиях в Латвии периода президентской диктатуры вызвал оживленную дискуссию, в ходе которой пришли к мнению, что, во-первых, латвийский антисемитизм привнесен извне, а во-вторых, об общем характере нетерпимости к любым представителям национальных меньшинств в межвоенном латвийском обществе. В то же время доктор философии А.И. Шнеер (Институт “Яд-Вашем”, Израиль) акцентировал внимание на поддержке К. Ульманисом школ на идише и сионистского движения, представители которого уезжали строить свою государственность в Палестине. Таким образом проводилась мягкая политика выдавливания, поощрения еврейской эмиграции из Латвии.

Предметом рассмотрения второго пленарного заседания были, казалось бы, краеведческие вопросы, но они затрагивали и дополняли проблемы “большой истории”.

Доктор социологии Р.И. Муксинов (Русское собрание Литвы) рассказал о преступлениях и зверствах Фронта литовских активистов. В докладах кандидатов исторических наук В.И. Гущина (Балтийский центр исторических

и социально-экономических исследований, Латвия) и О.Н. Пухляка (Рижское славянское историческое общество) об обстановке накануне и в первую неделю войны в Елгаве и Лиепае отразились все те разнонаправленные, а порой противоречивые действия оперативного звена командования Красной Армии в условиях продолжавшейся военной реформы и стратегической доминанты “Не дать повода для войны!”. Озвученные докладчиками приказы о выходе различных воинских формирований из мест постоянной дислокации на боевые позиции опровергают версию о преступной халатности советского руководства, якобы ничего не сделавшего для приведения войск в боевую готовность накануне гитлеровского нападения. О.Н. Пухляк отметил, что советским верховным командованием не было решено, какие стратегические функции должен выполнять каждый округ (фронт) в случае нападения Германии, поэтому подготовка военнослужащих в них зачастую не соответствовала тем задачам, которые им пришлось выполнять в ходе войны.

Особый интерес у публики вызвало выступление доктора экономики И. Зейбертса (глава Союза самоуправления, Латвия), который на истории нескольких поколений своих предков раскрыл драматичную историю Латвии первой половины XX в., где были и идеализм интеллигентов-интернационалистов, и жестокость националистов по отношению даже к своим соплеменникам, замеченным в излишне “левых” убеждениях, и возмездие преступникам.

Очень ярко описал формирование и боевые действия латышских рабочих полков Э.А. Жагарс (Латвийский университет). Докладчик подверг критике некоторые решения командования Красной Армии оперативного уровня, которое не стремилось использовать рабочие полки в первые месяцы войны.

Третье пленарное заседание было посвящено проблемам жизни на оккупированной территории трех прибалтийских республик. Его открыл доктор истории Г.Е. Смирин (Общество “Шамир”, Латвия). Он рассказал о трагической судьбе Рижского гетто, в котором из 29 602 было уничтожено 24 тыс. человек.

Очень непростую для восприятия тему малолетних жертв войны затронули А.И. Шнеер и В.А. Богов (Вятский государственный гуманитарный университет). Они рассказали о судьбах детей из семей советских служащих, прибывших в Прибалтику с лета 1940 по 22 июня 1941 г., а также о проблемах изучения истории и исторической памяти концлагеря Саласпилс. Как отметил В.А. Богов, установить точное число малолетних жертв Саласпилса можно только при помощи экспертизы. В данный момент на основании документов

известно, что из лагеря вывезли 2800 детей и еще 649 детей там было умерщвлено. Таким образом, через лагерь прошло не менее 3,5 тыс. детей, что противоречит цифре в 2 тыс., приводимой современными латвийскими авторами. В то же время докладчик усомнился в достоверности данных Чрезвычайной государственной комиссии, которая на основании шурфовой эксгумации и математических расчетов сделала вывод о 110 тыс. замученных в концлагере взрослых и 7 тыс. детей.

По мнению А.И. Шнеера, в Прибалтике к 22 июня 1941 г. находилось несколько тысяч детей советских офицеров и служащих. После начала оккупации они, в зависимости от возраста, попадали, в лучшем случае, в монастыри (до 3 лет), в детские дома (до 16 лет) или в лагеря военнопленных. Следует отметить большую помощь, которую оказывала детским домам Русская православная церковь. Дефицит рабочих рук в сельской местности восполнялся детьми-батраками. Хозяева издевались над ними, часто и жестоко избивали, сутками оставляли без еды.

Проф. А.М. Литвин (Национальная академия наук Беларуси) ознакомил аудиторию с рядом вопросов, связанных с деятельностью полицейских формирований из прибалтийских коллаборационистов на территории оккупированной Белоруссии.

Б.А. Равдин (Латвийское общество русской культуры) осветил издательскую деятельность на территории рейхскомиссариата Остланд.

Тему коллаборационистских средств массовой информации продолжил магистр философии И.В. Никифоров. Издавать прессу на русском языке в оккупированной Прибалтике начинали пропагандистские формирования вермахта, а затем эти издания были переданы местным властям. Информационное влияние газет в Эстонии было низким: многие их выписывали (в добровольно-принудительном порядке), но вряд ли читали. Куда более широкой была аудитория у радио.

Третье пленарное заседание открыл проф. Б.Н. Ковалев (Санкт-Петербургский Институт истории РАН) докладом об истории Псковской духовной миссии. Взяв на себя всю ответственность (и смертельную опасность) общения с оккупационными властями и немецким командованием, о. Сергей (Воскресенский) предоставил своим приходом довольно широкую политическую автономию. Сведений о том, давал ли о. Сергей обязательство сотрудничать с НКВД перед отправкой на оказавшуюся вскоре оккупированной территорию, нет.

В историографически-сравнительном сообщении к.и.н. Д.В. Суржика (Институт всеобщей истории РАН) рассматривалось освещение “прибалтийских сюжетов” в фундаментальном

немецком 10-томном труде “Германский рейх и Вторая мировая война”. Этот многотомник, издававшийся почти 35 лет, отразил настойчивые попытки снизить меру ответственности нацистского режима за военные преступления в Европе в годы Второй мировой войны. Немецкие авторы настойчиво замалчивают политику “тихого подчинения” или “безмолвной капитуляции” (термин введен эстонским историком М. Ильмярвом) этих стран гитлеровской Германии и другим антисоветским акторам. Напротив, вхождение прибалтийских республик в СССР предстает актом агрессии “большого соседа” в отношении “слабых соседей”. И тогда вполне логично появление “лесных мстителей”. А от рук этих бандитов гибли представители и еврейского народа, и партийные и советские работники, и деятели профсоюзов, и любые подозрительные. Надо отметить, что введенный прибалтийскими официальными исследователями концепт “национальные партизаны” – это оксюморон сродни словосочетанию “горячий снег”. И цель его очевидна: ввести коллаборационистов в ряды Сопротивления. Таким образом пособники нацистских оккупантов представляются за силу, которая, якобы, боролась с ними. Нонсенс для любого профессионального историка.

Важную тему межкультурного диалога затронул С.В. Бусарев (Институт военного наследия, Литва). Военно-мемориальная деятельность, опирающаяся на взаимодействие поисковиков и местных властей, – наименее политизированная и наиболее перспективная для диалога различных народов и исторических школ работа, очень востребованная в настоящий момент.

Педагоги-практики С.А. Мазур и А.Г. Гурин попробовали проанализировать различные аспекты изложения Второй мировой войны в латвийских учебниках.

Ю.П. Мальцев (Обществ охраны памятников русской истории и культуры в Эстонии) продолжил тему депортированных детей в годы Великой Отечественной войны на примере своей семьи. Он говорил о необходимости записей интервью у пока еще живущих малолетних жертв войны, которых с каждым днем становится все меньше.

Конференция прошла успешно, несмотря на весьма сложную общественно-политическую ситуацию и негативное отношение к России и русским, насаждающееся в прибалтийских средствах массовой информации. На мероприятии царил дух интернационализма, единства народов и культур против идеи расовой исключительности.

Д.В. Суржик